

ШАРЛЬ
БОДЛЕР

ЦВЕТЫ ЗЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-5
Б75

Бодлер, Шарль.

Б75 Цветы зла : [сборник] / Шарль Бодлер ; [перевод с французского]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-17-145705-1 (С.: Эксклюзив: поэзия)

Серийное оформление и компьютерный дизайн Я. Половцевой

ISBN 978-5-17-119471-0 (С.: Эксклюзивная классика)

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Компьютерный дизайн А. Чаругиной

В этот сборник вошли две книги Бодлера — «Стихотворения в прозе» и принесшие автору громкую международную славу программные «Цветы зла». Книга-манифест французского символизма впервые была опубликована в 1857 году и вызвала бурную общественную реакцию. Для поэта скандал закончился судебным штрафом, тираж книги был арестован, а наиболее «неприличные» стихотворения изъяты из сборника.

Время расставило все по своим местам: давно забыты имена косных гонителей, а стихотворения Бодлера, с их ярким колоритом, сверкающей образностью и свободным полетом воображения, по-прежнему восхищают и завораживают истинных любителей поэтического слова всего мира.

**УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-5**

ЦВЕТЫ ЗЛА

НЕПОГРЕШИМОМУ ПОЭТУ
всесильному чародею
французской литературы
моему дорогому и уважаемому
УЧИТЕЛЮ И ДРУГУ
ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ
как выражение полного преклонения
посвящаю
ЭТИ БОЛЕЗНЕННЫЕ ЦВЕТЫ
Ш. Б.

Вступление

Безумье, скарედность, и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, услаждают,
Как насекомые, и жалят и язвят.

Упорен в нас порок, раскаянье — притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.

И Демон Трисмегист, баюкая мечту,
На мягком ложе зла наш разум усыпляет;
Он волю, золото души, испепеляет,
И, как столбы паров, бросает в пустоту;

Сам Дьявол нас влечет сетями преступленья
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья;

Как грудь, поблекшую от грязных ласк, грызет
В вертепе нищенском иной гуляка праздный,
Мы новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод;

У нас в мозгу кишит рой демонов безумный,
Как бесконечный клуб змеящихся червей;
Вдохнет ли воздух грудь — уж Смерть клокочет в ней
Вливаясь в легкие струей незримо-шумной.

До сей поры кинжал, огонь и горький яд
Еще не вывели багрового узора;
Как по канве, по дням бессилья и позора,
Наш дух растлением до сей поры объят!

Средь чудищ лающих, рыкающих, свистящих,
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце всех страстей,
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих,

Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все исступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушенье.
Оно поглотит мир одним своим зевком!

То — Скука! — Облаком своей houка* одета,
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник,
Ты знал чудовище утонченное это?!

* Houка — восточная трубка для курения опиума, наподобие кальяна, в которой наркотический дым пропускался сквозь воду.

Сплин и идеал

I

Благословение

Лишь в мир тоскующий верховных сил веленьем
Явился вдруг поэт — не в силах слез унять,
С безумным ужасом, с мольбой, с богохуленьем
Простерла длани ввысь его родная мать!

«Родила б лучше я гнездо эхидн презренных,
Чем это чудище смешное... С этих пор
Я проклиная ночь, в огне страстей мгновенных
Во мне зачавшую возмездье за позор!

Лишь мне меж женами печаль и отвращенье
В того, кого люблю, дано судьбой вдохнуть;
О, почему в огонь не смею я швырнуть,
Как страстное письмо, свое же порожденье!

Но я отмщу за все: проклятия небес
Я обращаю на их орудие слепое;
Я искалечу ствол, чтобы на нем исчез
Бесследно мерзкий плод, источенный чумою!»

И не поняв того, что Высший Рок судил,
И пену ярости глотая в исступленье,
Мать обрекла себя на вечное сожженье —
Ей материнский грех костер соорудил!

А между тем дитя, резвяся, расцветает;
То — Ангел осенил дитя своим крылом.
Малютка нектар пьет, амброзию вкушает
И дышит солнечным живительным лучом;

Играет с ветерком, и с тучкой речь заводит,
И с песней по пути погибели идет,
И Ангел крестный путь за ним вослед проходит,
И, щебетание услыша, слезы льет.

Дитя! Повсюду ждет тебя одно страданье;
Все изменяет вкруг, все гибнет без следа,
И каждый, злобствуя на кроткое создание,
Пытает детский ум и сердце без стыда!

В твоё вино и хлеб они золу мешают
И бешеной слюной твои уста язвят;
Они всего тебя с насмешкою лишают,
И даже самый след обходят и клеймят!

Смотри, и даже та, кого ты звал своею,
Средь уличной толпы кричит, над всем глумясь:
«Он пал передо мной, восторгом пламенея;
Над ним, как древний бог, я гордо вознеслась!

Окутана волной божественных курений,
Я вознеслась над ним, в мольбе склоненным ниц;
Я жажду от него коленопреклонений
И требую, смеясь, я жертвенных кошниц.

Когда ж прискучат мне безбожные забавы,
Я возложу, смеясь, к нему, на эту грудь
Длань страшной гарпии: когтистый и кровавый
До сердца самого она проточит путь.

И сердце, полное последних трепетаний,
Как из гнезда — птенца, из груди вырву я,
И брошу прочь, смеясь, чтоб после истязаний
С ним поиграть могла и кошечка моя!» —

Тогда в простор небес он длани простирает
Туда, где Вечный Трон торжественно горит;
Он полчища врагов безумных презирует,
Лучами чистыми и яркими залит:

— «Благословен Господь, даруя нам страданья,
Что грешный дух влекут божественной стезей;
Восторг вкушаю я из чаши испытанья,
Как чистый ток вина для тех, кто тверд душой!

Я ведаю, в стране священных легионов,
В селеньях праведных, где воздыханий нет,
На вечном празднике Небесных Сил и Тронов,
Среди ликующих воссядет и Поэт!

Страданье — путь один в обитель славы вечной,
Туда, где адских ков, земных скорбей конец;
Из всех веков и царств Вселенной бесконечной
Я для себя сплету мистический венец!

Пред тем венцом — ничто и блеск камней
Пальмиры,
И блеск еще никем невиданных камней,
Пред тем венцом — ничто и перлы, и сапфиры,
Творец, твоей рукой встревоженных морей.

И будет он сплетен из чистого сиянья
Святого очага, горящего в веках,
И смертных всех очей неверное мерцанье
Померкнет перед ним, как отблеск в Зеркалах!»

II Альбатрос

Во время плаванья, когда толпе матросов
Случается поймать над бездною морей
Огромных, белых птиц, могучих альбатросов,
Беспечных спутников отважных кораблей, —

На доски их кладут: и вот, изнемогая,
Труслив и неуклюж, как два больших весла,
Влачит недавний царь заоблачного края
По грязной палубе два трепетных крыла.

Лазури гордый сын, что бури обгоняет,
Он стал уродливым, и жалким, и смешным,
Зажженной трубкою матрос его пугает
И дразнит с хохотом, прикинувшись хромым.

Поэт, как альбатрос, отважно, без усилия
Пока он — в небесах, витает в бурной мгле,
Но исполинские, невидимые крылья
В толпе ему ходить мешают по земле.

III Полет

Высоко над водой, высоко над лугами,
Горами, тучами и волнами морей,
Над горней сферой звезд и солнечных лучей
Мой дух, эфирных волн не скован берегами, —

Как обмирающий на гребнях волн пловец,
Мой дух возносится к мирам необозримым;
Восторгом схваченный ничем не выразимым,
Безбрежность бороздит он из конца в конец!

Покинь земной туман нечистый, ядовитый;
Эфиром горних стран очищен и согрет,
Как нектар огненный, впивай небесный свет,
В пространствах без конца таинственно разлитый.

Отягощенную туманом бытия,
Страну уныния и скорби необъятной
Покинь, чтоб взмахом крыл умчаться безвозвратно
В поля блаженные, в небесные края!..

Блажен лишь тот, чья мысль, окрылена зарею,
Свободной птицею стремится в небеса, —
Кто внял цветов и трав немые голоса,
Чей дух возносится высоко над землею!

IV Соответствия

Природа — строгий храм, где строй живых колонн
Порой чуть внятный звук украдкой уронит;
Лесами символов бредет, в их чашах тонет
Смущенный человек, их взглядом умилен.

Как эхо отзвуков в один аккорд неясный,
Где все едино, свет и ночи темнота,
Благоухания, и звуки, и цвета
В ней сочетаются в гармонии согласной.

Есть запах девственный; как луг, он чист и свят,
Как тело детское, высокий звук гобоя;
И есть торжественный, развратный аромат —

Слиянье ладана и амбры и бензоя:
В нем бесконечное доступно вдруг для нас,
В нем высших дум восторг и лучших чувств экстаз!

V

Я полюбил нагих веков воспоминанья:
Феб золотил тогда улыбкой изваянья;
Тогда любовники, и дерзки и легки,
Вкушали радости без лжи и без тоски;
Влюбленные лучи им согревали спины,
Вдохнув здоровый дух в искусные машины,
И плодоносная Кибела без числа
Своим возлюбленным сынам дары несла;
Волчица с нежностью заботливо-покорной
Пьянила целый мир своею грудью черной;
Прекрасный, дерзостный и мощный человек
Был признанным царем всего, что создал век, —
Царем невинных дев, рожденных для лобзанья,
Плодов нетронутых, не знавших увяданья!..

Поэт! Когда твой взор захочет встретить вновь
Любовь нагой четы, свободную любовь
Первоначальных дней, перед смятенным взором,
Холодным ужасом, чудовищным позором
Пронизывая грудь, возникнет пред тобой
Уродство жалкое, омытое слезой...
О дряблость тощих тел без формы, жизни, красок!
О торсы жалкие, достойные лишь масок!..
Вас с детства Пользы бог, как в латы, заковал
В пеленки медные, — согнул и изломал;
Смотрите: ваших жен, как воск, бледны ланиты;
Все ваши девушки пороками повиты:
Болезни и разврат отцов и матерей
У колыбели ждут невинных дочерей!